

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 42 (146)

14 ОКТЯБРЯ

1944 г.

ВЫХОДИТ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цена 45 коп.

Я думаю, во всей Москве, а может быть, и во всем Союзе, я одна могу сказать, что слышала, как А. П. Чехов впервые читал только что законченную им пьесу «Чайка» — в синей гостиной молодой артистки Л. Яворской, в то время «восходящей звезды» драматического театра Корша, наиболее значительного театра Москвы после Малого.

На чтение собралось много народа — литераторы, сотрудники «Русской мысли», артисты, был и Корш. Ф. Корш считал Чехова «своим автором», так как первую свою большую вещь — «Иванов» Чехов поставил в его театре. И Корш и Яворская поэтому с особым интересом относились к пьесе и ждали «лакомого куска».

Я хорошо помню впечатление, которое произвела пьеса. Его можно было бы сравнить с реакцией Аркадиной на пьесу Тrepлева: «Декадентство?.. Новые формы?..». Помню шум, споры, неискреннее восхищение Яворской и какое-то не то смущенное, не то суровое лицо Чехова.

Яворской и Коршу, привыкшим к эффектным пьесам в духе Дюма-сына или Сарду, пьеса понравилась, конечно, не могла. Корш говорил:

— Голуба — как же это: заставляете человека стреляться за сценой и даже поговорить ему перед смертью не даёте — ведь это же неценично!..

Корш так и не поставил этой пьесы, — он был прав: он знал свою публику, главным образом купеческую, привыкшую к душераздирательным драмам или легким фарсам «для пищеварения»; она так же не оценила бы пьесы, как вскоре после этого не оценила ее и не поняла аналогичная публика Левкеевского бенефиса в Петербургском театре.

Всем известна история крушения «Чайки» в Александринском театре и та печальная роль, которую оно сыграло в жизни и здоровье Чехова. Только несколько лет спустя Московский Художественный театр и сам понял пьесу и сумел ее пона-

стоящему донести до зрителя. История премьеры «Чайки» в Художественном театре тоже известна. Я присутствовала при первом представлении пьесы и волновалась очень. Хорошо помню, как вчера, то поразившее меня ощущение, которое я испытала почти с первых слов пьесы и которое так и не покинуло меня до конца спектакля: будто я не в театр попала, а подсматриваю кусок настоящей чужой жизни, будто на сцене не актеры, а живые люди. Я помню этот роковой момент молчания всей залы после того, как опустился занавес после первого акта — молчания, принятого артистами за знак провала, и ураган бешеных восторгов, разразившийся в зале после паузы. Люди бесновались, кричали, плакали, даже «тихийший» Н. Е. Эфрос, тонкий критик и театровед того времени, «вышел из берегов», вскочил на стул, требовал, чтобы автору послали телеграмму, и по его лицу катились слезы. Выйдя из театра, я кинулась на телеграф и послала Антону Павловичу телеграмму. Она пришла первой, и, как Чехов шутил, во писал мне, я была «первой ласточкой, принесшей ему весть о «Чайке».

Для всего Художественного театра, для артистов, для Москвы это был день откровения, день, вписанный в историю русской сцены, по-настоящему открывший и Чехова и Художественный театр московской публике.

«Чайка» имела огромный успех и в дальнейшем. Я жила недалеко от театра (находившегося тогда в Каретном ряду, в здании театра «Эрмитаж») и часто, возвращаясь поздно вечером домой, наблюдала характерную картину: вся площадь перед театром была запружена народом — главным образом, молодежью, собиравшейся там провести всю ночь, чтобы утром успеть захватить билет. Кто приходил с книгой и читал ее при скудном свете фонаря, кто устраивался с комфортом, принеся складной стул, кто, чтобы согреться, принимался танцевать и петь студенче-

ские песни к соблазну городских... Так простаивали всю ночь, чтобы утром бежать на занятия, на работу, — молодость давала силы, а энтузиазм был велик. И «Чайка» как бы окончательно закрепила любовь читателя и зрителя к Чехову.

Чехов, при своей исключительной скромности, как-то и не подозревал о том, как огромен его талант. Он иногда говорил:

— Меня скоро забудут... после моей смерти меня будут читать лет семь, семь с половиной...

Но раз он прибавил:

— Но пройдет некоторое время, — меня опять вспомнят и тогда уже будут читать долго.

Его предчувствие не обмануло его. Прошло не семь, а сорок лет со дня его смерти, а его помнят, любят и читают.

У Чехова есть присущее всем гениальным писателям свойство: его читают всегда по-новому. Перечитывая из года в год его произведения, в них всегда находят какую-то мысль, фразу, образ, которые раньше ускользнули от внимания и до которых постепенно доросли читатели. Совсем недавно мне пришлось убедиться в этом лишний раз.

Я пошла в Камерный театр смотреть «Чайку» в новой постановке А. Я. Таирова. Признаюсь, я шла без внутреннего колебания: слишком ярки в памяти были незабываемые впечатления от той постановки — постановки моей молодости, молодости Художественного театра, молодости Книппер, Станиславского, и я боялась, что новое впечатление не удовлетворит меня.

«Фрагменты из «Чайки», как спектакль был назван, поставлены были «в сукнах», то-есть без декораций, если не считать иногда возникавших на сером фоне намеков на декорацию: то бледное пятно луны в первом акте, то большое окно в сад в четвертом, как в туманных картинах, не реальных, но вполне дававших впечатление того, что требовалось. И «Чайка» шла в «концертном исполнении», как стояло в программах.

Не было ни костюмов (исполнители были в обиходных платьях без эпохи, без моды), ни грима. Соответственно общему замыслу и игра была без подчеркивания, без деталей, без какого бы то ни было натурализма, и, к моему удивлению, пьеса с первых слов стала меня захватывать и звучать для меня по-новому. Ничего общего с тем, первым представлением не было. Театр сознательно, казалось мне, ушел от подражания тому, что было неподражаемо. И дал — свое.

Начать с того, что великолепный текст чеховской пьесы — может быть, именно от того, что нигде, никак он не заслонялся постановкой, обстановкой, игровыми эффектами, — особенно хорошо доходил до слушателя, приковывал к себе внимание, не отвлеченное посторонними зрительными или слуховыми впечатлениями.

Театр дал «фрагменты» пьесы. — Он зачеркнул много линий, переключившихся в этой пьесе, такой богатой и разнообразной, что в далекие времена, когда она писалась, любой из этих линий хватило бы драматургу для пьесы в духе Шпагинского или Тимковского: линия Маши — Тrepлева, Маши — Медведенко, Шамраевой—Дорна и т. д. Он оставил наиболее значительную линию: Нины — Тригорина, Нины — Тrepлева.

Приглушенное звучание других инструментов в этом оркестровом исполнении особенно выделяло мелодию Нины, мелодию Чайки, по самому названию пьесы и долженствовавшей быть лейтмотивом ее. Алиса Коонен была на высоте. Ни минуты не притворяясь восемнадцатилетней Ниной, не прибегая ни к розовому платью, ни к юному гриму, она своим проникновением в роль дала такое впечатление свежести, молодости, первой любви, что все время верили, что перед вами драма юной Нины Заречной. Как рыдающие звуки скрипки, уносился ее голос, и виолончелью вторил ей голос Тригорина (Терентьева): все его слова — мысли самого Чехова — звучали значительно и волновали.

Перво и взволнованно подал роль Тrepлева Ганшин, и с честью вышла

Миклашевская—Аркадина из трудной сцены с Тригориним.

И вот в этой пьесе мне пришлось совсем по-новому услышать ее заключение. На первом представлении «Чайки» в Художественном театре исполнительница роли Нины — а с ее легкой руки и все остальные Чайки по всей провинции — играли последний акт в состоянии такой истерии, такого почти безумия, что у зрителя ни на минуту не являлось сомнения в том, что гибель Нины неизбежна. Было ясно, что Нина уйдет со сцены, и очень скоро, все равно как — под поездом, в пруду, в жалкой уездной гостинице от яда — но погибнет несомненно. Никому даже в голову не могло притти, что это может быть иначе.

Слушая Коонен, я вдруг поняла, что это совсем не так. Мы прежде как-то не учитывали, что ведь Нине — восемнадцать лет, что она ничего в жизни, кроме своей усадьбы, не видала и что за то время, как из беззаботной мечтательной девочки она превратилась в измученную Чайку, прошло всего два года. И каких два года! Она успела пережить драму своей любви, смерть своего ребенка. Мудрено ли, что из нее еще не выработалась актриса? Но о ней говорят: «Талант у нее, должно быть, есть». И конечно, она сумеет талантливо жить на сцене. Она научилась «терпеть», она «верует» в свое призвание, она чувствует наслаждение, когда играет. С этим люди не пропадают, и мне вдруг стало ясно, что Нина поднимется к высотам искусства, что она будет большой актрисой, как она обещает! Монолог ее зазвучал по-новому и лишний раз доказал, как близоруки были прежние критики, не разглядевшие в Чехове неугасимой веры в торжество жизни, веры в силу творчества и таланта.

На протяжении сорока лет стало понятно его отношение к жизни: он всегда обещает нам будущее. Устами своих героинь он говорит об этом. «Небо в алмазах» Сони, «Нельзя жить» трех сестер, «Новый сад» Анны, наконец, «Верую» Чайки — все это показывает нам настоящий образ Чехова—Чехова, писателя, утверждающего жизнь и верящего в нее.